

ИССЛЕДОВАНИЯ

Г. М. ПРОХОРОВ

Глаголица среди миссионерских азбук

Обе славянские азбуки миссионерские. Это значит, что они не представляют собой остатки языческой древности, но придуманы специально, чтобы создать богослужение на родном для славян языке и таким образом распространять среди них осмысленную христианскую веру. Существует целый ряд миссионерских азбук. Какое же положение занимают среди них глаголица и кириллица?

Миссионерское графическое творчество имеет свою историю. Первые миссионеры, апостолы, согласно Новому завету «начали говорить на иных языках» в Пятидесятницу, когда на них сошел Святой Дух, так что каждый «из всякого народа под небесами» «слышал их, говорящих его наречием» (Деяния апостолов, 2, 4—6); но они ли первыми, проповедуя, стали создавать новые виды письма, или же этим занялись только их преемники, неизвестно. Во всяком случае на протяжении всей поздней античности христианские проповедники таким изобретательством занимались и за время со второго по седьмой век создали и распространили с собственными переводами много новых видов письменности: сирийскую «эстрангело» (которая дала затем несколько производных: яковитскую, несторианскую, мандейскую, уйгурскую и др.), коптскую, эфиопскую, готскую, армянскую, грузинскую, кавказско-албанскую, нубийскую. В западной части христианского мира тем временем распространялась, как известно, латиница.

Появление новых видов письма, как и сама христианская проповедь среди язычников и иноверцев, приостановилось на время иконоборчества в Византии (VIII—первая половина IX в.), но вскоре же после победы иконопочитателей (843 г.) была создана славянская письменность. И на этом эпоха алфавитотворчества закончилась: последовал тысячелетний перерыв, если не считать или считать исключением из правила попытку, предпринятую в XIV в. Стефаном Пермским. Она заключалась в распространении далеко на севере от прежних районов миссионерской работы придуманного им коми-зырянского письма. Создание миссионерами новых знаков для письма (бесписьменных народов океанских островов и Американского континента) вновь стало нередким делом только в XIX—XX вв.¹ Этим новейшим изобретениям мы касаться не будем.

Миссионерские азбуки по-разному относятся к первоначальному письму книг Нового завета — греческому. Знаки сирийского письма «эстрангело» независимы от греческих, поскольку опираются на традиции семитической письменности. В коптском же письме использован греческий алфавит, но пополнен в конце — для обозначения звуков, не существовавших в греческом языке, — несколькими знаками, заимствованными из древнеегипетского письма. Подобным же образом создано нубийское письмо. Из сочетания греческих и рунических знаков составлена готская

¹ См.: Фридрих И. История письма. М., 1979. С. 195—199, 206.

азбука. Графика эфиопского, армянского, грузинского и кавказско-албанского письма независима от греческой. Из славянских алфавитов один — глаголический — тоже, можно сказать, независим от греческого, а второй — кириллический — представляет собой греческий, пополненный для обозначения звуков, не существующих в греческом языке, несколькими дополнительными буквами, как то сделано в коптском алфавите.

Общей чертой миссионерских алфавитов — независимо от того, пользуются ли они греческие буквы или нет, — является отражение ими действительного произношения соответствующих «наречий». Это относится и к коптскому, и к готскому, и к армянскому, и к грузинскому, и к нубийскому, и к славянскому письму (в обоих его видах). Название «глаголица» происходит, очевидно, от слова «глагол», означающего «речь», «слово».² И, значит, «глаголица» это просто азбука, *соответствующая речи*; дающая возможность адекватно записывать *слова своего языка* в отличие от какой-то другой азбуки, такой возможности не дающей (вероятно, греческой, латинской).

Странно то, что все источники наших знаний о создателе и распространителе славянской письменности — Кирилле-Константине, его брате Мефодии и их учениках — говорят лишь об *одной* новоизобретенной в IX в. славянской азбуке, хотя на деле, как мы знаем, *их* существовало и существует две, из которых одна — глаголица — анонимна, а вторая носит имя изобретателя — Кирилла. Хотя у глаголицы и кириллицы лишь одна общая буква — Ш, они, несомненно, близкородственны друг другу, строение их совпадает. Резко различаются же они — и это, вероятно, связано с разным их отношением к греческой основе — своим стилем: в максимально использующей греческие буквы кириллице и специфически славянские знаки стилистически приближены к греческим; гораздо же более сложная графически глаголица как будто сознательно от греческого письма по облику удалена.

Соотношение двух славянских видов письма более двухсот лет занимает ученых, но до сих пор это вопрос, не имеющий одного исчерпывающего ответа. Глаголицей до самого недавнего времени пользовались славяне-католики, хорваты северодалматинского побережья и прилегающих к нему областей;³ и еще в начале XX в. представлялось, что глаголица — это «славянская письменность, выработанная (не ранее X в.) латинскими миссионерами для совращенных в латинство или унию славян, в отличие от кириллицы как первоначальной славянской азбуки».⁴ А. И. Соболевский видел в глаголице стилистическое усложнение кириллицы, сделанное одним из учеников Кирилла и Мефодия во время гонений на славянское богослужение.⁵ Однако же установлено, что исторически глаголица предшествует кириллице: она отражает более архаическое, чем та, состояние славянского языка; так что скорее кириллица своей избыточной по сравнению с греческим алфавитом частью представляет собой стилистическое упрощение глаголицы.

Глаголицей, несомненно, пользовались создатели славянской письменной литературы; похоже, что из Моравии—Паннонии глаголица распространилась к хорватам в одну сторону, к болгарам — в другую; в X в. она была известна и в восточной, и в западной Болгарии (от этого века

² Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1914. Т. 1. С. 124; Словарь русского языка XI—XVIII вв. М., 1977. Вып. 4 (Г—Д). С. 25.

³ См.: В. В. О глаголитах, или славянах, имеющих богослужение на славянском языке, но по римскому обряду // Духовная беседа. 1859. Т. 7. № 38. С. 391—406; № 39. С. 430—441; Толстой Н. И. Древняя славянская письменность и становление этнического самосознания у славян // Развитие этнического самосознания у славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 241.

⁴ Православная богословская энциклопедия. Пгр., 1903. Т. 4. Стб. 402.

⁵ Богословская энциклопедия. СПб., 1909. Т. 10. Стб. 222—226.

сохранились древнейшие ее памятники, как и древнейшие памятники кириллицы, но глаголические признаются несколько более старшими), однако же сначала в одной, а потом и в другой части страны она была заменена или вытеснена кириллицей.⁶ На Руси сколь-нибудь заметного распространения глаголица не получила, хотя в XI—XVI вв. отдельные люди ее здесь знали; сохранились глаголические граффити XI в. в соборах Святой Софии в Киеве и в Новгороде.⁷ Сравнительно недавно была предпринята получившая широкий резонанс попытка наглядно представить путь создания кириллицы как постепенный процесс пополнения греческой азбуки четырнадцатью глаголическими буквами с последующим их графическим упрощением;⁸ однако позднейшими исследователями того же материала (граффити Круглой церкви в Преславе) она была оценена «не более как очередное теоретическое предположение, не подкрепленное

Глаголица Кириллица Глаголица Кириллица

никакими фактическими материалами».⁹ Большая по сравнению с кириллицей древность использования глаголицы сомнению не подвергается; потому наиболее вероятным ее создателем признается Кирилл-Константин: «В настоящее время гипотеза об изобретении Кириллом (Константином) глаголицы является наиболее аргументированной и широко распространенной», — пишут специалисты, отмечая при этом, что «и признание Кирилла-Константина автором глаголицы не избавляет современную славистику от решения тех же вопросов, которые стояли перед учеными XIX в.», в том числе даже таких, как «Что послужило источником для кириллицы и глаголицы» и «Предшествовало ли создание глаголицы кириллице, или наоборот», поскольку прямые документальные данные, относящиеся к эпохе изобретения славянского письма, отсутствуют.¹⁰

Вопрос о графических источниках глаголицы породил множество гипотез. Глаголицу выводили из кириллицы, из рунического, финикий-

⁶ См.: Георгиев Е. Славянская письменность до Кирилла и Мефодия. София, 1952. С. 8—9; Толстой Н. И. Древняя славянская письменность... С. 239.

⁷ См.: Мединцева А. А. 1) Глаголические надписи из Софии Новгородской // Советская археология. М., 1969. № 1. С. 199—210; 2) Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. М., 1978; Носов Е. Н., Рождественская Т. В. Буквенные знаки на пряслице середины X века с «Рюрикова» Городища: (Вопросы интерпретации) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1987. Т. 18. с. 45—55.

⁸ См.: Гошев И. Старобългарски глаголически и кирилски надписи. София, 1961.

⁹ Мединцева А., Попконстантинов К. Надписи из Круглой церкви в Преславе. София, 1985. С. 84.

¹⁰ Там же. С. 78.

ского, еврейского, самаритянского, пальмирского, эфиопского, хазарского, арабского, греческого минускульного, албанского, древнеперсидского, авестского, грузинского, коптского, латинского, готского, клинописного и кипрского слогового письма, а также из магических, астрономических, медицинских и прочих существовавших в средние века знаков.¹¹ Но все эти попытки не достигли своей цели. Итог их решительно подвел Э. Георгиев: «Глаголица... не азбука, буквы которой переделывались из букв какой-нибудь восточной или европейской азбуки. Как заметил еще Миклошич, трудно поверить, чтобы создатель глаголицы подбирал для своей азбуки отдельные знаки из пальмирской, самаританской, еврейской, куфической, эфиопской, армянской, греческой, латинской и др. азбук. Но буквы глаголицы не произошли и от букв одной азбуки, греческой, путем стилизации или путем комбинации букв».¹²

В настоящее время попытки отыскать источник глаголицы сделались, кажется, реже¹³ — может быть, оттого, что двумя людьми независимо друг от друга со всей очевидностью было показано, что глаголица — не продукт какой-либо эволюции, а плод единоличного вдохновенного творчества верующего христианина;¹⁴ в основу подавляющего большинства ее букв положены «три основных символа христианской религии: крест (символ Христа), треугольник (символ Троицы) и круг (символ бесконечности и всемогущества Бога Отца)». Глаголические буквы И и С, составленные обе из треугольника и круга (с тем отличием, что в одном случае сверху треугольник, а во втором круг), соседствуя в самом начале Евангелия от Иоанна («Искони (или Исперва) бѣ Слово»), а также при сокращенном написании под титулом имени Иисус, образуя уравнивающий и богословски значимый графический ансамбль; начинающая же всю азбуку буква А есть просто крест — и символ Христа, и знак молитвы, ставившийся при начале письма.¹⁵ Заметим, что в другой миссионерской же, очевидно, азбуке, вопрос о времени происхождения которой тоже вызывает дискуссии, — грузинской асомтаврули (и в ее варианте нухури),¹⁶ — этот же символ Христа, крест, использован в качестве буквы «кан», начинающей по-грузински слово Христос — «Кристе». Это никак не может быть случайностью. Только загнутым, как у «р», верхом отличается от грузинской буквы соответствующая армянская «к'э». В кириллице же никаких признаков вероисповедания автора нет.

Максимально использующая свою греческую основу кириллица использует и греческий способ обозначения буквами цифр, «рабски подражает греческому оригиналу», как заметил Э. Георгиев;¹⁷ отчего специфически славянские буквы цифрового значения в ней не имеют за исключением двух случаев, когда они заменяют мертвые греческие буквы кошту

¹¹ См.: Кипарский В. О происхождении глаголицы // Климент Охридский. Материалы за неговото чествуване по случай 1050 години от смъртта му. София, 1968. С. 91—92; см. также статью «Глаголица» в кн.: Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. 1. А—З. София, 1985. С. 502—509.

¹² Георгиев Э. Славянская письменность... С. 74.

¹³ Из последних попыток такого рода см.: Каждая Л. О происхождении глаголицы // Маце. Известия АН ГССР. Сер. яз. и лиг. 1971. № 2. Subberger P. V. Glagolitic's armenian connection // Wiener slawistischer Almanach, 1982. Bd 9. S. 291—304; Peri V. Note preliminari e profane sull'origine paleografica degli alfabeti slavi // Scrittura e civiltà. N 8. Torino, 1984. P. 31—67.

¹⁴ Этот вывод был сделан независимо друг от друга в 1949 г. Г. Чернохвостовым в Финляндии (см.: Кипарский В. О происхождении глаголицы. С. 93) и в 1952 г. Э. Георгиевым в Болгарии (Славянская письменность... С. 77—78).

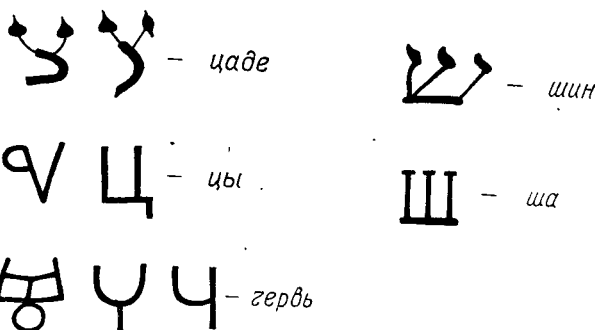
¹⁵ См.: Кипарский В. О происхождении глаголицы. С. 93—94.

¹⁶ Обзоры существующих на этот счет точек зрения см.: Шинидзе М. А. О грузинской письменности // Русский язык в грузинской школе. 1979. № 1 (52). С. 62—72; Chintibidse E. Das Problem der georgischen Schrift- und Schrifttumsentstehung // Georgica. Jena—Tbilisi. N. 8. S. 34—40.

¹⁷ Георгиев Э. Славянская письменность... С. 22.

и сампи (90 и 900). Глаголица же круто отстывает от греческой письменности и в этом: цифровое значение в ней буквы имеют независимо от того, совпадают ли они по звуковому значению с греческими или нет (так, буква Б в кириллице не имеет цифрового значения, а в глаголице имеет). «... Только отдельное лицо было бы в состоянии установить численную стоимость букв по тому способу, как они установлены в глаголице...», — уверен Э. Георгиев.¹⁸ Мне тоже так кажется. Для характеристики же кругозора этого лица очень важно то, что в отличие от греческого письма и от кириллицы в глаголице существует особая буква для обозначения тысячи («червь»): особые знаки для обозначения тысяч есть в армянском и грузинском алфавитах.

Но несмотря на все эти резкие различия двух славянских алфавитов, а главное из них, подчеркиваю, — в отношении к их греческой основе, некоторые ученые считают, что они созданы одним человеком. Сторонник

такой точки зрения Э. Миннз писал, что буквы Ц, Ч и Ш и там, и там восходят скорее всего к еврейским «цаде» и «шин», причем соответствующие глаголические буквы не ближе к еврейским, чем кириллические.¹⁹ Мне же представляется, что только создатель кириллицы, несомненно, знавший еврейский язык, возможно, ориентировался на его буквы при создании славянских Ц и Ч. Что же касается Ц и Ч в глаголице, то там они не восходят к еврейским буквам. И хотя в кириллице они написаны, похоже, с оглядкой на них, однако по стилю иначе, чем те и чем глаголические буквы.

Ведь именно стилем, как произведения графического искусства, различаются две славянские азбуки столь же резко, как и своим отношением к греческой основе. Их создатель, если это один человек, должен был иметь две по-разному ориентированные души, два ума, два стиля. «Если бы Кирилл создал обе старославянские азбуки, нужно было бы ожидать большего сходства как в дукте этих двух азбук, так и в их системе, и в начертании отдельных букв, особенно тех, которые в кириллице дополняют греческую азбуку», — пишет Э. Георгиев.²⁰ Ранние кириллические рукописи настолько близки стилистически к современным им и более ранним греческим, что могут быть с ними спутаны по внешнему виду. Не думая возвращаться к бесплодным поискам прототипов глаголических букв, я считаю серьезным вопросом, чему родственна глаголица стилистически. Конечно, датировки и атрибуции чего бы то ни было по стилю силой доказательства не обладают. Но ведь даже творящий в порыве умственного вдохновения миссионер творит не в стилистическом вакууме. Создатель глаголицы, как и создатель армянской письменности Мероп Маштоц, несомненно, был свободен в своем творческом процессе от прямого диктата какого-либо образца и изобретателен, поэтому найти источники, откуда

¹⁸ Там же. С. 23.

¹⁹ Minns E. H. Saint Cyril really knew Hebrew // Mélanges publiés en l'honneur de M. Paul Boyer. Paris, 1925. P. 94—97.

²⁰ Георгиев Е. Славянская письменность... С. 68.

тот и другой «черпали» формы для своих букв, или разгадать «системы», которыми они руководствовались в их построении, наверное, едва ли возможно.²¹ Но найти, собрать и указать стилистические параллели к результатам их творчества, я думаю, полезно и важно.

Сразу можно заметить, что в число стилистических параллелей глаголицы не попадает еврейское письмо с упомянутыми буквами «цаде» и «шин». Чему же родственна глаголица стилистически?

Она настолько близка по стилю к миссионерским азбукам первых шести веков нашей эры, что было бы удивительно, если бы ее не пытались вывести из этих алфавитов. Я постарался привести стилистические параллели к буквам глаголицы.

Символический смысл формы буквы А, о котором речь уже шла, насколько не отменяет важности полного совпадения этой формы с формой грузинской «кан», коптской «ти» (или «тэй»), эфиопской «та». Полностью же совпадает глаголическая «твердо» с эфиопским знаком «ма». В остальных 38 случаях столь полного тождества нет, всегда для совпадения надо как-то «доделать» знак: либо повернуть его, либо отразить в зеркале, либо что-то к нему добавить и т. п. Однако же стилистическое сходство глаголических знаков со знаками эфиопского, армянского, коптского, грузинского, в некоторых случаях кавказско-албанского, сирийского «эстрангело» и мандейского (гностицистический вариант арамейского)²² алфавитов, на мой взгляд, совершенно очевидно. Надо сказать, между знаками самих этих языков много сходства и есть случаи полных совпадений. На поразительную близость ряда армянских и эфиопских знаков письма указал Д. А. Ольдерогге и объяснил ее знакомством Месропа Маштоца с эфиопской литературой, легко возможным в IV—V вв. и за пределами африканского континента благодаря распространению власти Аксума, а с ним и влияния эфиопской христианской культуры на Аравийский полуостров, и развитию эфиопско-армянских церковных связей.²³ О вероятном знакомстве Месропа Маштоца с эфиопским письмом писал — еще до Д. А. Ольдерогге — Г. Севак, считавший, что Месроп имел возможность познакомиться с эфиопскими книгами даже в библиотеках Амира и Эдессы.²⁴ Мысль Г. Севака и Д. А. Ольдерогге о связи эфиопской и армянской письменностей кажется справедливой Ю. М. Кобищанову: «Культурные связи армян с Аксумом, — пишет он, — возможно, уже в конце IV—начале V в. имели большое значение для создания армянского письма. V—VIII века были периодом расцвета армянской культуры, причем победа в Армении монофиситской доктрины идейно объединила армян с коптами, аксумитами и частью сирийцев и нубийцев. Существовали и места, где уже в V—VI вв. образованные и любознательные армяне, а также грузины могли встречаться с аксумитами и нубийцами и беседовать с ними как по вопросам веры, так и об их странах. Главными из этих мест были Александрия и Иерусалим».²⁵ Вероятно даже, что в самой Армении незадолго до создания армянского письма Месропом Маштоцем, в конце V в., сириец

²¹ Ср.: Периханян А. К вопросу о происхождении армянской письменности // Переднеазиатский сборник. 1966. 2. С. 106—110; Муравьев С. Н. О прогосистеме армянского алфавита // Историко-филологический журнал. Ереван, 1980. № 2; кригику гипотезы С. Н. Муравьева см.: Юзбашян К. Н. Новая попытка истолковать происхождение армянского алфавита: открытие или заблуждение? // Историко-филологический журнал. Ереван, 1982. № 1. С. 177—184.

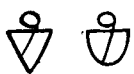
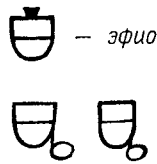
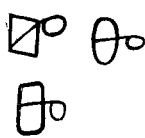
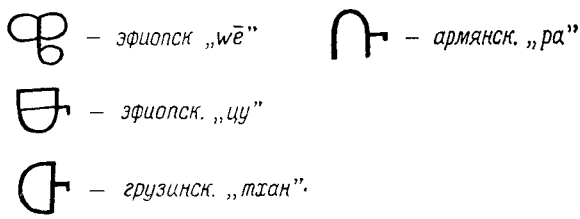
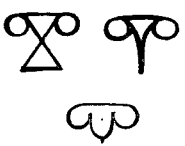
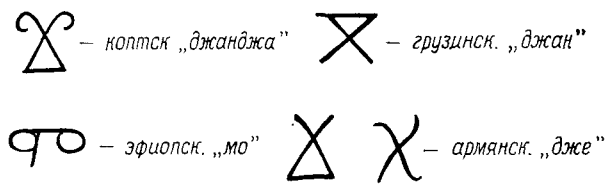

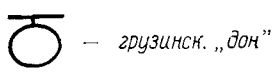
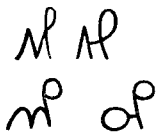
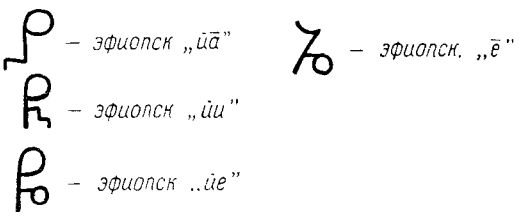
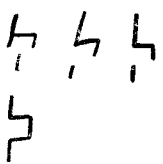
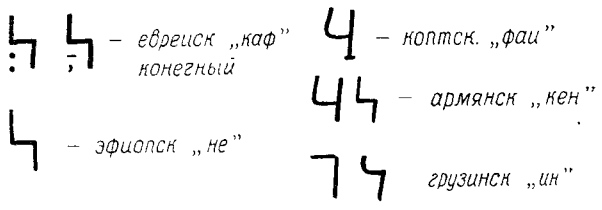
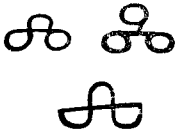
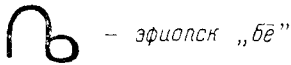
²² См.: Церетели К. Арамейский язык. Тбилиси, 1982. Приложение: Таблица «Основные виды арамейского письма».

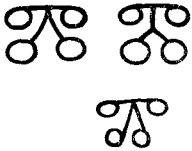

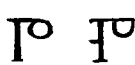

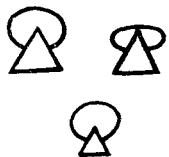

²³ Olderogge D. A. 1) Les anciennes relations entre l'Arménie et l'Éthiopie (Histoire d'une écriture). Moscou, 1969 (IV Conférence internationale des études éthiopiennes); 2) L'Arménie et l'Éthiopie au IV siècle (à propos des sources de l'alphabet arménien) // IV Convegno Internazionale di studi etiopici. Roma, 1974. T. 1. P. 195—203.

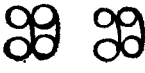

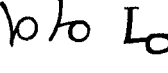

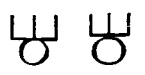

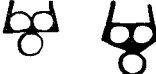
²⁴ Севак Г. Месроп Маштоц. Ереван, 1962. С. 46.

²⁵ Кобищанов Ю. М. Северо-Восточная Африка в раннесредневековом мире. М., 1980. С. 182.

<p>† +</p> <p>аз 1</p>	<p>† коптск. „ти“, „тэи“ † – армян „кэ“</p> <p>† эфиопск „та“</p> <p>† † † грузинская „кан“</p>
<p>Ⲉ ⲉ</p> <p>буки 2</p>	<p>Ⲉ самаритянск „мем“</p> <p>ⲉ коптская „шай“</p> <p>ⲉ грузинск. „шин“</p> <p>ⲉ грузинск „хан“</p>
<p>Ⲛ ⲛ</p> <p>веди 3</p>	<p>Ⲛ эфиопск „хо“</p> <p>ⲛ мандейск „ша“</p>
<p>Ⲟ ⲟ</p> <p>ⲟ Ⲡ</p> <p>глаголь 4</p>	<p>Ⲟ армянск „гим“</p> <p>ⲟ армянск „гат“</p> <p>Ⲡ эфиопск „ё“</p>
<p>Ⲣ ⲣ</p> <p>ⲣ</p> <p>добро 5</p>	<p>Ⲣ эфиопск „бё“</p> <p>ⲣ грегеск „дельта“</p>
<p>Ⲥ ⲥ Ⲧ</p> <p>есть 6</p>	<p>Ⲥ – самаритянск. „хе“</p>
<p>Ⲭ ⲭ</p> <p>ⲭ Ⲯ</p> <p>Ⲯ</p> <p>живете 7</p>	<p>Ⲭ – эстрангело „ша“ ⲭ Ⲭ – армянск „дже“</p> <p>Ⲯ – албанск „кам“</p> <p>Ⲯ – коптск. „джанджа“</p>

 <p>ველო 8</p>	 <p>– эфиопск. „цѳ“ – эфиопск. „цѳѳ“</p>
 <p>ვერცხი 9</p>	 <p>– эфиопск „wѳ“ Ⴆ – армянск. „ра“ – эфиопск. „цу“ – грузинск. „тхан“.</p>
 <p>ვერცხი 10</p>	 <p>– коптск „джанджа“ Ⴆ – грузинск. „джан“ – эфиопск. „мо“ Ⴆ Ⴇ – армянск. „дже“</p>
 <p>ვერცხი 20</p>	 <p>– грузинск. „дон“</p>
 <p>ვერცხი (გერძი) 30</p>	 <p>– эфиопск „йѳ“ Ⴆ – эфиопск. „ѳѳ“ – эфиопск „йѳѳ“ – эфиопск „йѳѳѳ“</p>
 <p>ვერცხი 40</p>	 <p>– еврейск „каф“ Ⴆ – коптск. „фаи“ конезный ႦႦ – армянск „кен“ – эфиопск „не“ ႦႧ – грузинск „ин“</p>
 <p>ვერცხი 50</p>	 <p>– эфиопск „бѳ“</p>

 мыслете 60	 - эстрангело „ѣ” - албанск „кам”
 наш 70	 - армянск „ѣим” - грузинск „тар” - грузинск „тѣил” - грузинск „ѣз.ѣ”
 он 80	 - эфиопск „ма” - грузинск „ман”
 пной 90	 - эфиопск „гы” - эфиопск „гу” - эфиопск „мо” - армянск „да” - грузинск „ѣлн” - албанск (?) (из надписи на -арнизе)
 ри 100	 - эфиопск „ри” и „ра” - грузинск „бан” - армянск „ер”
 слово 200	 - коптская „джанджа” - армянск „дже”
 твердо 300	 эфиопск „ма” эстрангело „с”

 <p>უკ 400</p>	
 <p>ფერთ 500</p>	<p>ⴁ — <i>грегеск. „фита”</i></p> <p>ⴂ ⴃ — <i>эфиопск. „цу”</i></p>
 <p>ხერ 600</p>	<p>ⴄ — <i>эфиопск. „ē”</i></p> <p>ⴅ — <i>эстрангело „f, th”</i> ⴆ ⴇ — <i>самаритянск. „зайн”</i></p>
 <p>omega 700</p>	<p>ⴈ ⴉ — <i>грузинск. „тиан”</i></p> <p>ⴊ ⴋ — <i>грузинск. „ун”</i></p> <p>ⴌ — <i>эфиопск. „wi”</i></p>
 <p>ша 800</p>	<p>ⴍ ⴎ <i>армянск. „за”, эфиопск. „да”</i></p> <p>ⴏ ⴐ <i>грузинск. „дон”</i></p> <p>ⴑ <i>эфиопск. „сē”</i></p>
 <p>шы 900</p>	<p>ⴒ — <i>эстрангело „f, th”</i></p> <p>ⴓ ⴔ — <i>эфиопск. „рē”</i></p> <p>ⴕ — <i>еврейск. „цаде”</i></p>
 <p>zerv 1000</p>	<p>ⴖ ⴗ — <i>грузинск. „ктар”</i></p> <p>ⴘ ⴙ — <i>эфиопск. „цē”</i></p>

<p style="text-align: center;">Ш</p> <p>ша</p>	<p>Ш — армянск „ашб” — еврейск „шин”</p> <p>Ш — самаритск „шин”</p> <p>Ш — коптск „шаи”</p>
<p style="text-align: center;">Ⲛ ⲛ</p> <p>ер</p>	<p>Ⲛ — эфиопск „цѣ” — грузинск „ло”</p> <p>ⲛ — эфиопск „це” — армянск „зѣ”</p>
<p style="text-align: center;">Ⲛ ⲛ ⲛ</p> <p>еры</p>	
<p style="text-align: center;">Ⲛ ⲛ</p> <p>ерь</p>	<p>Ⲛ — эфиопск „лѹ” — грузинск „тил”, эфиопск „ѹ”</p> <p>ⲛ — эфиопск „бы” — грузинск „се”</p> <p>ⲛ — армянск „бен” — эфиопск „фо”</p>
<p style="text-align: center;">Ⲛ Ⲛ</p> <p>ять</p>	
<p style="text-align: center;">Ⲛ Ⲛ Ⲛ</p> <p>ю</p>	<p>Ⲛ — эфиопск „фѣ” } еврейск „аин”</p> <p>Ⲛ — эфиопск „мы” }</p>
<p style="text-align: center;">Ⲛ Ⲛ</p> <p>юс малый</p>	<p>Ⲛ — эфиопск „ѣа” — эфиопск „ца”</p> <p>Ⲛ — эфиопск „тѣ” — эфиопск „ла”</p> <p>Ⲛ — эфиопск „та”</p>

епископ Даниил вводил в употребление именно эфиопское письмо. И, таким образом, возможно, что «сирийцы играли роль посредников в культурном обмене аксумитов с армянами. . .»²⁶

Помимо близости начертаний отдельных букв и общего облика знаков армянское письмо сходствует с эфиопским принципиально: «Достаточно

 <i>յոս большой</i>	
 <i>յոս малый йотированный</i>	
  <i>յոս большой йотированный</i>	 } эфиопск „йе“
 <i>փита</i>	 — греческая „фита“
 <i>иксилон, икхица</i>	 — эфиопск. „лу“ — эфиопск. „лу“

расположить однотипные буквы Месропа по группам», чтобы стало «видно, что в пределах каждой группы одну букву отличает от другой лишь перемещение какой-нибудь черточка или изменение позиции».²⁷ Но тот же самый принцип изменения значения (прибавления к согласной той или иной гласной по индийскому образцу) имеет и эфиопское письмо.²⁸

²⁶ Там же. С. 184.

²⁷ Севак Г. Месроп Маштоц. С. 39.

²⁸ «Характерно, что реформа эфиопского письма в IV в. при царе Эзане не приблизила его к греческому письму и в то же время не отделила его от консонантно-

При всех столь же очевидных случаях стилистической близости глаголических букв к армянским²⁹ с эфиопскими у тех и у других общего больше, чем между собою. Близость глаголицы к эфиопскому письму отмечает Д. Диррингер: «...общий ее облик, — пишет он, — вызывает ассоциации с эфиопским письмом».³⁰ В 1929 г. при национализации коллекций академика Н. П. Лихачева это сходство ввело в заблуждение проф. А. С. Орлова: пергаменную эфиопскую Псалтырь XIX в., обнаруженную им в столе хозяина, он принял за глаголическую рукопись X в.³¹

Общность между глаголицей и эфиопским письмом выходит за пределы сходства отдельных графических фигур. Будучи совершенно различны по своему строю и по значениям знаков, они сходятся, однако же, элементами, из которых строятся и которые придают им столь своеобразный стилистический облик, — кружочками и горизонтальными палочками в среднем уровне знака, иногда с загибом вниз.

Стилистическая близость глаголицы преимущественно к эфиопскому письму не исключает знакомства ее создателя со знаками других христианских письменностей Африки и Ближнего Востока. От их алфавитов создатель глаголицы не старался отойти так далеко, как он старался отойти в облике букв, в их цифровом значении и во всей цифровой системе от греческого письма.

Совмещая такой культурно-психологический «портрет-робот» создателя глаголицы с Константином-Кириллом, жившим в IX в., мы встречаемся с большими затруднениями. С армянской и грузинской письменностями Константин-Кирилл, конечно, мог познакомиться, если не в Солуни и Константинополе, что, заметим, вполне вероятно, то уж во всяком случае в Крыму или на Кавказе во время своей хазарской миссии. Допустим, в Крыму же он мог познакомиться с сирийским письмом,³² а у Каспийского моря с умиравшим албанским.³³ Но с коптским и, главное, эфиопским? Коптская письменность, возникнув во II—III вв. усилиями переводчиков с греческого языка книг Ветхого и Нового заветов, пережив расцвет в V—VII вв. в период «коптского возрождения», пробыв затем 63 года после арабского завоевания официальной в государственной канцелярии Египта (коптский язык был заменен в этом качестве арабским лишь в 705 г.), начала под арабами постепенно сдавать свои позиции и в конце концов сохранилась лишь там, где и возникла, — в коптской церкви. Созданная не позже IV в. подобным же образом (путем перевода с сирийского церковных книг) эфиопская письменная литература после появления в VII в. арабской империи и цивилизации тоже оказалась в состоянии глухой изоляции. К IX в. Аксум с его ослабевшей культурой давно уже был закрыт от Средиземноморья стеной враждебного и полного сил мусульманского мира.³⁴

Но и «международное положение», и состояние молодых тогда сирийской, албанской, коптской и эфиопской христианских культур были со-

звучковых алфавитов Ближнего Востока (<...>), вводя индийский принцип передачи гласных звуков. Несомненно, это явилось следствием многовековых индийско-аксумских связей, сохранивших свое значение и в V—VII вв. В то же время кажется правдоподобным предположение, что если не изобретение, то распространение реформированного алфавита стимулировалось появлением христианской переводной литературы на языке геэз» (К о б и щ а н о в Ю. М. Северо-Восточная Африка в раннесредневековом мире. С. 192).

²⁹ Однако я не могу согласиться с прямым выведением П. В. Кабберли (см. примеч. 12) некоторых знаков глаголицы из армянского алфавита.

³⁰ Д и р и н г е р Д. Алфавит. М., 1963. С. 558.

³¹ Об этом рассказывал очевидец, проф. Н. А. Менцерский.

³² См.: И в а н о в а Т. А. Еще раз о русских письменах // Советское славяноведение. 1969. Т. 4. С. 72—75.

³³ См.: Ш а н и д з е А. Язык и письмо кавказских албанцев / Вестник Отделения общественных наук АН ГССР. 1960. Т. 1. С. 163—170.

³⁴ См.: Е л а н с к а я А. И. Коптский язык. М., 1964. С. 7—11; С т а р и н и н В. П. Эфиопский язык. М., 1967. С. 11—12; К о б и щ а н о в Ю. М. Северо-Восточная Африка в раннесредневековом мире. С. 191, 197.

вершено иными до мусульманских завоеваний и даже некоторое время после или в течение их, во второй половине VII—начале VIII в. Века с V по VIII были периодом высшего расцвета и плодотворных взаимосвязей сирийской, армянской, коптской, эфиопской и нубийской монофизитских христианских культур. О связях армян с Аксумом и о возможном посредничестве в этих связях сирийцев мы уже говорили. «Сирийское культурное влияние заметно в литургии, религиозной терминологии и архитектуре» Аксума VI—VII вв.; <...> архитектура христианской Нубии и Аксумского царства VI—VII вв. обнаруживает несомненное сходство с архитектурой Северной Сирии, заставляющее предполагать прямое сирийское влияние на аксумских зодчих и косвенное на нубийских <...> церкви аксумской Эфиопии копируют северосирийские образцы. <...> Главным образом через посредство сирийцев и коптов развивались культурные связи народов Закавказья и Северо-Восточной Африки. <...> Борясь за свою этническую целостность и независимость от феодальных империй, сирийцы, армяне и другие народы Передней Азии искали союзников и единомышленников, каковыми могли быть в те времена только единоверцы-монофиситы, даже если они обитали далеко на юге, в Эфиопии. В VI в. монофиситское христианство становилось региональной религией Ближнего Востока». ³⁵ Вплоть до середины V в., когда Халкидонский собор (451 г.) разделил православных и монофизитов, влияние африканской и сирийской церквей было главенствующим на Балканах, где, заметим, как раз в это время начали приходить в соприкосновение с греками славяне. Об установлении в ту эпоху торговых связей коптов со славянами может свидетельствовать изделие коптского прикладного искусства этого времени (V—VII вв.) — пластинка из оленьего рога с рельефными изображениями, найденная в детской могиле 850—950 гг. на территории Великой Моравии. ³⁶

В Житии Иоанна Златоуста говорится, что он посылал «мужь добрых, иже апостолы подражают при житии», к появившимся на Дунае «скифам», «да е научеть Закону». ³⁷ Это, вероятно, были гунны (готы уже находились на территории Византии и более полувека имели свою письменность), а с гуннами во множестве шли славяне: с падением гуннской власти они оказались насельниками недавно подвластных тем земель. Достоин внимания факт, что на исходе IV в., как раз в то время, когда патриархом в Константинополе был Иоанн Златоуст (398—404 г.), в течение трех лет там жил епископ египетский Птолемаиды (район Асуана) Синезий, ³⁸ знаток африканских христианских систем письма. И надо сказать, греческое письмо тогда должно было ассоциироваться как с непобежденным еще язычеством, так и с широко распространенным арианством, с которым Иоанн Златоуст вел борьбу; отталкивание от греческой графики и ориентация на молодые письменности африканских и сирийских христиан было бы применительно к тому времени понятно.

По мнению И. И. Срезневского, «вероятно, не слишком долго спустя после готов и славяне стали пытаться передавать на своем языке места из книг Св. Писания и молитвы. Славяне юго-западные могли начать эти попытки в VI—VII веках. . .». ³⁹ Действительно, второе возможное для этого время — эпоха Юстиниана (середина VI в.), когда, с одной стороны, активизируется византийская политика на путях в Индию в обход Персии — на Аравийском полуострове и в Африке (в Эфиопии, Нубии) и когда

³⁵ Там же. С. 184—188.

³⁶ См.: Chrávat P. Velká Morava a koptsky Egypt // Panátky archeologické. Roč. 77 Č. 1. P. 5—17.

³⁷ См.: H a n s a c k E. Die Vita des Johannes Chrysostomos des Georgios von Alexandrien in Kirchenslavischer Übersetzung. Freiburg, 1980. Bd 2. S. 258—260.

³⁸ См.: Успенский Ф. И. История Византии. СПб., (6. г.). Т. 1. С. 164.

³⁹ Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка. СПб., 1850. С. 37.

(в 540 г.) монофизитский проповедник Юлиан при поддержке императрицы Феодоры распространяет в Верхнем Египте созданную им на основе коптской нубийскую письменность, а с другой стороны, очевидно стремление византийцев дипломатическими средствами ослабить угрозу славянского нашествия из-за Дуная, делавшуюся все более реальной и страшной. В 545 г. император Юстиниан отправил послов на нижний Дунай к славянам-антам; посольство было успешным, Юстиниан стал именоваться императором антов. Однако в 602 г. анты были уничтожены аварами; если и имела место попытка проповедать у них христианство, как у нубийцев, на их собственном языке, то в 602 г. тамошняя миссионерская церковь прекратила бы свое существование, а ее книги были бы уничтожены и разнесены в разные стороны света. Люди же, умевшие их читать, тоже должны были быть уничтожены или рассеяны по свету и представляли бы собой отныне большую редкость. Эти фантазии вызывают в памяти знаменитое известие пространного Жития Кирилла о том, что Константин-Кирилл во время своей хазарской миссии (863 г.) видел в Крыму книги Евангелие и Псалтырь, написанные «русьскими письмены», и нашел человека, умевшего говорить тою «беседою»: ⁴⁰ из сообщения, однако, не следует, что этот человек умел те книги читать; читать их научился Константин-Кирилл. Будь книги не «русьскими», а «сурьскими», сирийскими, как сейчас считают (что вполне вероятно, с филологической точки зрения), Константину-Кириллу не имело бы смысла обращать на них внимание, как и на говорящего на их языке человека, потому что сирийцев с их книгами он легко мог найти и в самой Византии.

Но еще более вероятно появление глаголицы в районе Солуни в семидесятих годах VII в. Об обретении славянами алфавита в это время мы имеем уже прямое историческое свидетельство — «Слово Кирила Философа, како увьри Булгаре», или «Солунскую легенду». Это автобиографическое произведение опубликовано по пяти спискам XIV—XVI вв.: впервые — И. Х. Константиновым (Хаджиконстантинов-Джинот) в середине прошлого века по неизвестной рукописи,⁴¹ затем — Д. Ангеловым по сделанному в 1861 г. в с. Тырново списку с другой неизвестной теперь пергаменной рукописи (вероятно, XIV в.)⁴² и, кроме того, по трем известным сейчас южнославянским рукописям XV—XVI вв.⁴³ Повествование ведется от лица некоего Кирилла, который не имеет ничего общего с Константином-Кириллом, братом Мефодия. Просто тезка. Он родился или жил (по одним спискам — «рождение мое», по другим — «житие мое») в Каппа-

⁴⁰ См.: Никольский Н. К. К вопросу о русских письменах, упоминаемых в Житии Константина Философа // ИОРЯС. 1928. Т. 1, кн. 1. С. 1—37; Георгиев Е. Славянская письменность. . . С. 49—52.

⁴¹ Константинов И. Х. Слово Кирила Философа Българскаго // Гласник друштва српске словесности. 1856. Кн. VIII. С. 146—147; см. также: Български книжници. Цариград. 1859. II, 1. С. 15—16; Бильбасов В. Кирилл и Мефодий по документальным источникам. СПб., 1874. Ч. II. С. 217—219; Успенский П. История Афона. Киев, 1877. Т. II, ч. 1. С. 103—104.

⁴² Ангелов Г. Кюстендил. Кюстендил, 1900. С. 5—7; Иванов И. 1) Северна Македония. София, 1906. С. 62—63, 2) Български старини из Македония. София, 1931. С. 281—283 (фототип. воспр. София, 1970); Ангелов Б. Ст. За два преписа на Солунската легенда // Кирило-Методиевски студии. 1984. Т. 1. С. 13—18.

⁴³ 1) «Тивешский» список 80-х гг. XV в. — Народная библиотека «Кирилл и Мефодий» в Софии, № 677 (см.: Начов Н. Една нашенска ръкопис // Книжници за прочет с белетристическо, техничко, научно и забавително съдържание. Солун, 1889, Кн. 1. С. 42—47; см. также: Лавров П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930. С. 158—159); 2) «Наколашки» список последней четверти XV в. — Монастырь Николяц в Югославии, № 52 (см.: Ангелов Б. Ст. За два преписа на Солунската легенда. С. 9—13); 3) «Софийский» список конца XVI в. — Церковный музей в Софии, № 1161 (см.: Рожухаров Ст. Неизвестен препис на Солунската легенда // Български евик. 1966. Т. XVI, кн. 5. С. 491—494; Ангелов Б. Ст. Солунската легенда // Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1967. Т. II. С. 63—66).

докии, стране между Малой Арменией, Фригией, Пафлагонией и Черным морем; образование получил в сирийском Дамаске («и учение мое въ Дамасцѣ»); оказался затем в египетской Александрии. Отнеся «Слово» к Константину-Кириллу, его сочли сначала речью, произнесенной тем в Риме,⁴⁴ а теперь считают легендарно-апокрифическим сочинением в фольклорном духе какого-то ревнителя славы болгар как богоизбранного народа,⁴⁵ жившего в XI—XII, XII—XIII или в XIV в. в Македонии и питавшего неприязнь к грекам.

Однажды в церкви александрийского патриарха («въ церкви великой патриархии Александрьской»), повествует автор Слова, он услышал из алтаря голос, назвавший его по имени («Кириле») и повелевший ему идти «въ землю (пространную) и въ языкъ словенскы (*вар.*: езикы словинские), (се) рекше Българе», чтобы «увѣрити их и законъ дати имь». Он очень огорчился, оттого что не знал, где находится земля народа славянского, так называемых болгар. Но отправился в путь, прибыл на Кипр, однако и там ничего не разузнал о месте жительства славян; хотел было возвратиться, но побоялся («да не буду яко пророкъ Иона», уклонявшийся от порученного ему Богом), поплыл дальше, на Крит, и там получил совет идти «въ Солун град». В Солуни Кирилл явился к митрополиту Иоанну. Как мы увидим, это лицо исторически известно: солунский митрополит Иоанн II, участник VI Вселенского собора (680—681 гг.), автор части «Чудес св. Димитрия», умер в 695 г. Кирилл поведал ему о своей задаче, а тот назвал его безумным старцем и сказал, что болгары — людоеды («человѣкоядьцы») и его самого могут съесть. На торге Кирилл услышал славянскую речь и испугался («и устрапися сердце мое въ мнѣ, и бих яко въ адѣ и тмѣ»). Помогло ему чудо. Выйдя как-то из церкви после воскресной службы («въ един день въ святую неделю»), он сел «на мрамори, мыслещи и скръбещи», и тут увидел птицу: по одним спискам — голубя («голуба глаголющи»), по другим — «врана грачеща»; птица нечто держала в клюве. То, что птица держала в клюве, названо довольно странно: «зборькъ съчици скокине соупоуль свезану» (*вар.*: «зборькъ съчици скокине с оугуоуль свезану», «сборокъ с'чице со куки и уголѣ свр'зана», «свытъкъ съчици скокине съ гуле свезане»); нет уверенности в правильном разделении знаков на слова. Попытки разъяснения смысла этих слов в большей или меньшей мере неубедительны.⁴⁶ Птица бросила свою ношу Кириллу «на крило» (на полу одежды или на плечо?), тот пересчитал упавшее (стало быть, это было нечто поддающееся счету и потому, значит, действительно связанное) и насчитал согласно одному списку 35, а согласно остальным — 32. Затем Кирилл вложил упавшее и пересчитанное «въ пазуху» (судя по дальнейшему именно за пазуху) и понес показать митрополиту. И тут случилось настоящее чудо: положенные за пазуху предметы скрылись в его теле («въ тело мое съкришесе»), а он сам потерял способность понимать по-гречески, забыл греческий язык: «. . . азъ истребихъ (*вар.*: изгубихъ) грѣчьскы языкъ». (Забыл ли он при этом сирийский, которым пользовался, обучаясь в Дамаске, или коптский, который он мог освоить в Александрии, к сожалению, не сообщается). Митрополит прислал Кириллу приглашение на трапезу, а он не понимал посланника: «. . . азъ же не разумѣхъ, что къ мнѣ грѣчьскы говори»; и все солуняне, собравшиеся

⁴⁴ См.: Бильбасов В. А. Кирилл и Мефодий. С. 1—6.

⁴⁵ См.: Воронов А. Главнейшие источники для истории Кирилла и Мефодия. Киев, 1877. С. 223—236; Георгиев Е. Литература на изострени борби в средновековна България. София, 1966. С. 313—316; Ангелов Б. Ст. Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1967. Кн. II. С. 44—66; Митенова А. Солунската легенда и нейните типологични паралели // Годишник на Софийския университет «Климент Охридски». Център за славяно-византийски проучвания «Акад. Иван Дуйчев». София, 1987. Т. I.

⁴⁶ См., например: Воронов А. Кирилл и Мефодий. С. 224, примеч. 2; Брац Г. Кирилло-Мефодиевские вопросы // Труды Киевской Духовной академии. 1891. № 6. С. 298—325.

к митрополиту, этому удивлялись. А дальше случилось не менее странное — Кирилла заточили: «Тако и съкриху (*по одному стику*: искаху) мене». Из дальнейших событий ясно, что его не искали, а именно посадили.

Рассказ Кирилла можно понять так, что вместе с утратой знания греческого языка, последовавшей за исчезновением в его теле загадочных предметов, он обрел знание славянского языка и главное, как увидим, письма, за что тут же оказался в заточении. Получается, митрополит Иоанн почему-то не хотел допустить проповеди Кириллом христианства среди славяно-болгар на их языке. Как мы помним, он с самого начала, мягко говоря, не ободрял Кирилла в этом его намерении.

Болгары же во главе с великим князем Десимиром Моравским, Радивоем Преславским и другими князьями, узнав о случившемся с Кириллом, собрались у Солуни, осадили город и осаждали его «за 3 лѣтъ. кровь около проливающе», требуя: «Дай намъ челоувѣка, егоже послалъ Богъ к нам!». Удивительно! Язычники славяне и болгары, в то время резко настроенные против греческого христианства, требуют выдачи им задерживаемого греческим митрополитом христианского миссионера.

Действительно, при солунском митрополите Иоанне II языческие славянские племена ринхитов, стримонитов, дрогубитов и сагудатов, оккупировавшие земли вблизи Солуни, осаждали этот город в течение трех лет (675—678 гг.), о чем известно из упомянутой уже греческой книги «Чудеса св. Димитрия». ⁴⁷ Эти «Чудеса» представляют собой сборник по большей части гомилий, проповедей, сказанных разными епископами Фессалоник, главной целью которых было прославить святого Димитрия и его чудесное вмешательство в дело обороны их города, а не дать хронологически точный и последовательный рассказ о событиях. Речь об осаде славянами Солуни в 675—678 гг. идет во второй главе второй книги «Чудеса», написанной солунским митрополитом Иоанном II до 688 г., ⁴⁸ т. е. по свежим следам событий. Причины осады и ее снятия, согласно этому рассказу, были, конечно, иными, нежели в «Слове Кирилла Философа» (о Кирилло-проповеднике митрополит не упоминает вообще): славян возмутили арест и убийство византийцами их племенного вождя Пербундуса, проживавшего в Солуни; освобождение же городу от осады пришло с войском вернувшегося после войны с арабами императора Константина IV. ⁴⁹

Что касается выражения «языки словинские, рекше Българе», т. е. «народы славянские, называемые болгарами», употребленного в самом начале «Слова», то оно не противоречит исторической ситуации, о которой идет речь. Тюркский народ «булгары» впервые появляется на сцене византийской истории примерно в одно время со славянами. Около 481 г. император Зинон использовал их против остроготов; в правление Анастасия I (491—518) они — подданные авар, союзники гуннов; в 626 г. принимали участие в осаде аварами Константинополя. В занимающее нас время, отступая от хазар, болгары двигались по Балканам в разных направлениях, подчиняясь аварам, подчиняя славян, заставляя отступать и платить дань византийцев (в 70-х или начале 80-х гг. VII в. хан Аспарух форсировал Дунай, и примерно тогда же один из его братьев, Кувер <?>, ушел в Паннонию к аварам).

Итак, князья болгарские (очевидно, подвластные болгарам славянские) Десимир Моравский и Радивой Преславский (ниоткуда больше эти имена не известны) начали, согласно «Слову», осаду Солуни и сняли ее лишь после того, как митрополит Иоанн выпустил удерживаемого им Кирилла Философа. Взяв его «съ радостию великою», болгары привели

⁴⁷ См.: Lemerle P. Les plus anciens recueils des miracles de saint Démétrius. Paris, 1979. Т. 1: Le Texte. P. 208—221.

⁴⁸ Stratos A. N. Byzantium in the Seventh Century. Amsterdam, 1978. IV. 668—685. P. 65—66, 84.

⁴⁹ Lemerle P. Les plus anciens recueils. . . Paris, 1981. Т. II: Commentaire. P. 111—136; Stratos A. N. Byzantium in the Seventh Century. P. 86—90.

его в город Равен на р. Брегалнице (левый приток Вардара в 150 км к северо-северо-западу от Солуни), и там он «написал» для них «словеса», буквы в количестве 32 (по одному из списков 35, а в другом вместо цифры — «о вѣъмь»). «Азь тѣхъ (вар.: ихъ) мало учях, а они сами много приобрѣтаху», — оценивает свое учительство и своих учеников Кирилл философ. Завершает он свое «Слово» выражением уверенности, что его ученики православную веру и христианство Богу предадут, употребляя при этом слова «рече Господь», как будто что-то цитируя: «Тѣмъ бо, рече Господь, права вѣра (вар.: прьво вѣру), и христианство Богу предадять», т. е. тем *свойственна*, или *принадлежит* (разница, кажется, несущественная) правая вера, и они христианство Богу предадут.

Было замечено, что эти последние слова схожи с выражениями ряда произведений, где речь идет о последних временах. 1) Сказание о Сивилле: «Гръци царство Господу прѣдадутъ», а «словѣне, рекше бльгаре, — добри, гостелюбивы и смѣрени, истинни, безлобиви, любящи чюждина и крестияньство, — си вѣру правую Богу прѣдадутъ»; 2) «Разумник»: «Гръци царство Богу прѣдадут, а Бльгаре веру и христианство прѣдадут (по другой редакции: «а Бльгаре веру и крестияне»);⁵⁰ 3) «Откровение Мефодия Патарского»: «. . . царь гръчьскы < . . . > прѣдасть царство крестияньско Богу и Отцю»; 4) «Написание о правой вере», приписываемое Константину-Кириллу, брату Мефодия, в основе своей переводное: «И сию <веру> прѣдаевѣ своимъ учеником, да сице вѣрующе спасутся и въ страшный день судный пакы прѣдадутъ ю нама истинну, неизмѣнну, съврѣшену».⁵¹ Указывая на эти параллели, считают, что они, как и чудеса, о которых идет речь в «Слове» (проникновение букв в тело, забвение одного языка, освоение при этом другого), свидетельствуют о легендарно-апокрифическом характере произведения, лишаящем его всякой исторической ценности. На мой же взгляд, параллели эти показывают лишь, что соответствующее выражение «Слова» было широкоупотребительным и выражает не столько болгарский национализм или гордость болгар своим учителем и своей христианской верой, сколько гордость учителя, от имени которого ведется речь, результатами своего труда. Такого рода параллели, как и изучение пестрого состава сборников, содержащих «Слово», никак не должны, на мой взгляд, отвлекать внимание от самого составляющего «Слово» рассказа, который нельзя считать сплошной «низовой» фантазией. Памятник заслуживает, конечно, большего уважения и внимания как история получения околосолунскими славянами алфавита.

Всерьез, т. е. не считая Кирилла Кападоко-Дамасского «народной версией» Константина-Кирилла, брата Мефодия, относились к «Слову» Порфирий Успенский и Йордан Иванов. Порфирий Успенский полагал, что «это слово о просветителе славян в Болгарии Кирилле достойно внимания ученых мужей < . . . > Оба же эти упоминания, об Иоанне Солунском архiereе и о военных приступах славян к Солуню около 680 года, так неустраимы и так вески, что мы решительно должны признать в вышеизложенном слове основу историческую и считать первым нововводителем у славян так называемой Кириллицы, или церковно-славянской азбуки, Кирилла Кападоко-Солунского, жившего во второй половине седьмого века, а не того Кирилла, который учил славян Мораво-Паннонских в де-

⁵⁰ См.: Ангелов Б. Ст. Из старата бльгарска, руска и сръбска литература. С. 56, 57; Милтенова А. 1) «Сказание за Сивила»: (Археографски бележки, текстологическо изследоване, издание на текста) // Старобългаристика. 1984. VIII. 4. С. 53—54; 2) «Разумник-Указ»: (Текстологическо проучване. Издание на старобългарския текст) // Там же. 1986. X. 4. С. 25.

⁵¹ См.: Истрин В. М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила. М., 1897. С. 45—46, 99, 212; Воровов А. Кирилл и Мефодий. С. 224; Юрченко А. И. К проблеме идентификации «Написания о правой вере» // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 262; Милтенова А. Солунската легенда и нейните типологични параллели.

вятом столетии». ⁵² Глаголица к тому времени, полагает Порфирий Успенский, уже существовала, и из нее автор «Слова», творец нового славянского алфавита, взял буквы «зело», ц, ч, ш, щ, ъ, ы, ъ, «юс». Иордан же Иванов считал, что Кирилл Каппадокийский изобрел в VII в. глаголицу. ⁵³

Но обратим внимание, в «Слове Кирилла Философа» речь не идет об изобретении, создании нового алфавита: там говорится только о необыкновенном его получении Кириллом — от птицы, которая уронила готовые буквы ему «на крыло». Да и необыкновенным только потому, что случившемся очень кстати: если бы Кирилл не думал о необходимости письменности для славян как условия научения их христианской вере, он бы на эти знаки просто внимания не обратил, сбросил их, не задумываясь, со своего «крыла». Так что похоже, буквы, которым он стал учить славян в Равене на р. Брегалнице, не были им изобретены, а являлись более древними, Кириллом только использованными.

Вернемся теперь к вопросу, почему солунский митрополит VII в. мог препятствовать проповеди христианства среди так сильно угрожавших городу язычников. Щадя проповедника? Маловероятно. Представляясь, тому могли быть две причины. Прежде всего византийцы не поощряли развитие письма на языках варварских народов в пределах империи: когда те селились в ее границах, их старались обучить греческому языку и с помощью греческого языка христианизировать и эллинизировать. Вторая причина, не исключаяющая первую, могла состоять в том, что родившийся в Каппадокии, воспитанный в Западной Сирии пришелец из коптского Египта, вероятнее всего, был монофизитом, для греков — еретиком. В таком случае православный грек-митрополит пытался воспрепятствовать монофизитской проповеди среди язычников в своей епархии, но не смог. Если Кирилл из Александрии был монофизитом (вероятнее всего, армянином или сирийцем), то ничего удивительного нет и в том, что он «истребил», «изгубил», позабыл греческий язык, обретя знаки для письма по-славянски: достаточно вспомнить, какая неприязнь к «вычурному, шепелявому, изломанному» греческому языку была свойственна армянину, автору Жития Саака и Маштоца. ⁵⁴ Вот откуда, а не только от национальных чувств ущемляемых византийцами болгар может происходить некоторая отмеченная учеными антигреческая направленность «Слова». Прозвание «Философ» показывает, что в упомянутом им как место его учения Дамаске Кирилл Каппадокийский окончил университет. Ученый монофизит-проповедник, если он изобретал в VII в. письменность для славянского языка, естественным образом вольно или невольно должен был ориентироваться прежде всего на знаки письменности тесно тогда связанных друг с другом монофизитских церквей — армянской, сирийской, коптской, нубийской, эфиопской. От родного для него своеобразного их стиля освободиться вряд ли было возможно. Под пером Кирилла Каппадокийца Философа по стилю и по отношению к греческому письму как раз должно было получиться что-то вроде глаголицы. Да если и обрел он вдруг забытый алфавит, созданный для славян в V в. (хорваты ведь верят, что глаголица — изобретение блаженного Иеронима Стридонского), то стилистически — по своей «антигреческой» и «просевероафриканской и промалоазиатской» направленности — он должен был его полностью устроить. Заметим кстати, что если не считать букв, составленных из двух знаков (у, ы, «юс» большой и два йотированных «юса»), в глаголице насчитывается 35 знаков; а если не считать и трех букв, служащих для передачи греческих «омеги», «фиты» и «ипсилона», не выражающих особых звуков славянской речи и в глаголице не обязательных, получится 32 знака. В сохра-

⁵² <Порфирий Успенский>! Первое путешествие в афонские скиты и монастыри архимандрита, ныне епископа Порфирия Успенского в 1846 году. Киев, 1877. Ч. II, отд. первое. С. 102—106.

⁵³ См.: Северна Македония. София, 1906. С. 66—72.

⁵⁴ См.: Памятники армянской агиографии. Ереван, 1973. Вып. 1. С. 42, 43.

нившихся глаголических азбуках XI—XIII вв. насчитывается и 31 буква (в Парижском абецедарии XI—XII вв.), и 35 (в Бандуричевом XIII в.), и 38 (в Мюнхенском XII в.).⁵⁵ В древнейших же глаголических памятниках — все варианты числа букв от 32 до 38.⁵⁶

Если глаголица была придумана или только распространена среди славян проповедником-монофизитом, то и созданная его проповедью в их среде христианская община должна была быть монофизитской. О существовании именно такой общины в среде бесписьменных язычников-славян на Балканах сообщает нам арабский географ Масуди: «Обиталища их <славян> на севере, откуда простираются на запад. Они составляют различные племена, между коими бывають войны, и они имеют царей. Некоторые из них исповедуют христианскую веру по якобитскому толку, некоторые же не имеют писания, не повинуются законам; они язычники и ничего не знают о законах».⁵⁷ Яковитами называли и называют монофизитов Сирии и Северо-Восточной Африки. Масуди писал в 40-х гг. X в., когда основная масса балканских славян исповедовала уже православие; сам он на Балканах не бывал. Отставание его от жизни объясняется тем, что в данном случае он пользовался не своими наблюдениями, а трудами предшественников — вероятнее всего, не дошедшим до нас сочинением Хоррами, писавшего на сто лет ранее, в 40-х гг. IX в.⁵⁸ Совсем незадолго до моравской миссии Константина-Кирилла и Мефодия тот побывал в плену у византийцев и имел возможность видеть славян лично.

Монофизитская христианская община среди соседствовавших с Солунью славян не могла быть поддержана греками; для тех естественней было бы постараться ее уничтожить, обратив в православие. Но не удивительно и то, что она существовала еще в IX в.: в конце VII—начале VIII в. сделать что-либо с ней византийским светским и духовным правителям было не по силам, а с 726 г. это стало несущественным из-за начавшегося иконоборчества и сопряженной с ним внутренней борьбы с православными иконопочитателями. Зато после окончания иконоборчества, с торжеством православия (843 г.) и возрождением византийской культуры и государственности, империя вновь обратилась со своим словом к окружающему миру, что хорошо видно по миссиям Константина-Кирилла и его брата Мефодия к арабам, к хазарам и к славянам, а тем самым и к Риму.

Согласно Краткому житию Кирилла, называемому также «Успение Кириллово», еще до Моравской миссии он обнаружил как раз на р. Брегалница среди славян христиан: «. . . щьдь въ Бръгалницу и обрѣть от словѣнскаго языка нѣколько крѣщенѣх. И елицѣх же не обрѣт крѣщенѣх он ж крѣстивъ их, и приведе на православную вѣру. И написавъ имъ книги словѣнскимъ языкомъ».⁵⁹ Мы знаем, что Константин-Кирилл пользовался глаголицей. Обретенные им на Брегалнице славяне-христиане должны были быть потомками тех, кого просветил в VII в. Кирилл Каппадокийский, т. е. монофизитами или наследниками монофизитов, и должны были иметь свою письменность. Возможно поэтому «привести на православную веру» Константину-Кириллу надо было не только просвещенных им язычников, но и членов этой славяно-христианской общины. «Написав им книги словенским языком», Константин-Кирилл продолжил то, что делал там же лет на сто тридцать раньше Каппадокиец. Написание

⁵⁵ См.: Велчева Б. Абецедар // Кирило-Методиевска енциклопедия. София, 1985. Т. 1: А—З. С. 20—26.

⁵⁶ Илчев П. Глаголица // Там же. С. 492—493.

⁵⁷ Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р. Х.) / Собр., пер. и объясн. А. И. Гаркави. СПб., 1870. С. 135.

⁵⁸ Там же. С. 119, 161.

⁵⁹ Лавров П. А. Материалы. С. 155; см. также: Грашова Л. Брегалнишка мисия // Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. 1. С. 237—243.

книг «словенским письмом» не потребовало от него в данном случае — в середине IX в. — изобретения славянской письменности.

Во второй половине 80—начале 90-х гг. IX в. в Болгарии Черноризец Храбр в апологии «О письменах» — славянских буквах, созданных Константином-Кириллом, — написал, что одни буквы тот создал «по образцу греческих письмен, другие же в соответствии со славянской речью», так что 24 из них «подобны греческим письменам». ⁶⁰ Сочинение это известно в 78 списках XIV—XVII вв., и некоторые из них, как удается установить, сопоставляя их данные со славянскими азбучными акростихами, восходят к глаголическому протографу, так что полагают, существовали две его редакции — кириллическая и глаголическая. ⁶¹ О первенстве глаголицы по сравнению с кириллицей спорить не приходится, как и о том, что существовала глаголическая версия сочинения Черноризца Храбра. Но то, что он писал не о глаголице, а о кириллице, вне сомнений. Ведь он говорил о 24 славянских буквах — письменах, подобных греческим, что невозможно сказать о буквах глаголицы, но что совершенно уместно в применении к кириллице.

Создать новое славянское письмо могло побудить Константина-Кирилла, знавшего и использовавшего глаголицу, стремление приблизить облик славянских букв и книг к греческим, грецизировать славянскую письменность. Даже если это стремление диктовалось желанием сделать славян православными, кириллицу с гораздо меньшим основанием, нежели глаголицу, можно назвать миссионерской азбукой. Это — грецизирующая азбука, дающая славянской письменности новую культурную ориентацию.

Кстати, назвать изобретенное Константином-Кириллом письмо по его имени можно было только для того, чтобы отличить его от уже существующего славянского. Нет ведь примеров, чтобы народ, впервые получая письменность, назвал ее именем создателя: армянское письмо не называют «месропицей», а коми — «стефаницей»; но есть пример того, что реформированный алфавит называют именем реформатора: так, переделанный Вуком Караджичем сербский алфавит называют «вучицей».

Подтверждение тому, что Константин-Кирилл изобрел глаголицу, а на кириллицу перешли его и Мефодия ученики после изгнания их из Моравии, уже в Болгарии, ученые видели в записи, «ис кирилоцѣ», или «ис кириловицѣ», сделанной в Новгороде в 1047 г. Упирем Лихым в «Книге пророчеств» (сохранившейся в списках XV—XVI вв.): «Так как в списках Книг пророческих с толкованиями, повторяющих запись Упия Лихого, находятся выражения и буквы писанные глаголицей, сам по себе напрашивается вывод, что Упирь Лихый писал с глаголического оригинала, и, следовательно, глаголицу звали первоначально кириллицей, и она-то и есть та древнейшая азбука, которую изобрел Кирилл-Константин Философ». ⁶² Но Анджей Поппэ (следом за архимандритом Леонидом, ⁶³ однако же независимо от него) блестяще доказал: Упирь Лихый своей записью хотел сказать, что он делал список с образца (курѣлькъ — образец). ⁶⁴

⁶⁰ См.: Куев К. М. Черноризец Храбр. София, 1967: Сказания о начале славянской письменности. М., 1981. С. 102—103.

⁶¹ См.: Mošić V. I. Još o Hrabru, slavenskim azbukama i azbučnim molitvama // Slovo. Zagreb, 1973. Т. 23. Р. 5—71.

⁶² Поппэ А. «Ис кирилоцѣ» и «ис кириловицѣ» // Slavic Linguistics. Poetics, Cultural History: In Honor of Henric Birnbaum on his Sixtieth Birthday 13 December 1985. Slavia Publishers. Inc. P. 322.

⁶³ Леонид (архимандрит): 1) По поводу одного спорного выражения в надписи на списке «Книг пророческих с толкованиями», писанном в Новгороде Упирем Лихым в 1047 г. // Записки имп. АН. СПб., 1883. Т. 47, кн. 1. С. 61—63; 2) Заметка о слове «ис кириловицѣ» // Русский филологический вестник. 1891. Т. 25. С. 135—137.

⁶⁴ Поппэ А. «Ис кирилоцѣ» и «ис кириловицѣ». С. 319—350.

Глаголица называлась также «буквицей» — по первой особенной букве славянского алфавита, отличающей его от греческого; возникло это название, по-видимому, как сокращение слова «азбуквица», но и оно подобно названию «глаголица» не свидетельствует о вторичности этого алфавита в отличие от названия «кириллица». Названия «кириллица» и «глаголица» естественным образом сохранились и использовались в первую очередь там, где эти азбуки длительное время сосуществовали, — на Адриатическом побережье, в Дубровнике, Иллирии, приморской Хорватии. Древнейшее упоминание кириллицы содержится в дубровницком документе от 15 апреля 1407 г.⁶⁵ К XV же веку относится название «глаголийский». «Иеронимовыми» глаголические буквы называют, мы знаем, по крайней мере с XIII столетия по настоящее время.⁶⁶

Надобности в специальных наименованиях алфавитов нет там, где пользуются только одним. Первые усилия заместить глаголицу, которой он пользовался, кириллицей, которую он создал, должен был предпринять сам Константин-Кирилл, а следом за ним — Мефодий и их ученики. Двойственность с постоянно нарастающим перевесом кириллицы, неуклонно ведущим к полной ее победе, замечается в областях, где действовали ученики Кирилла и Мефодия (Болгария). А где такого рода последовательные и продолжительные усилия не были приложены, там восторжествовала глаголица (Хорватия). Не потому ли и молчат эти ученики в своих сочинениях о хорошо им известной иной, нежели изобретенная Кириллом, и исторически предшествующей ей славянской азбуке, что они знают о ее прошлом?

Свидетельствуют же о нем не только сами глаголические буквы, о чем шла речь, но и древнейшие сохранившиеся их книги. Если ранние кириллические рукописи (X—XII вв.) вызывают в памяти современные им греческие, то ранние (примерно так же датируемые) глаголические — значительно более ранние восточные: глаголические тексты позволяют увидеть в своем содержании «про-сирийские» элементы, а геометрические формы их инициалов, глядящие сквозь окружности лики, набор красок, присутствие древних зооморфных мотивов при отсутствии золота, растительных элементов и других стилистических признаков византийского послеиконоборческого возрождения — все это указывает на искусство Малой Азии и Египта как на источник влияния, — на те самые сирийские и коптские манускрипты VI—VII вв.,⁶⁷ которыми и должен был пользоваться каппадокийец Кирилл и в Малой Азии, учась, и в Египте, где он услышал повеление научить закону Божию «язык славянский», и на Балканах, в Солуни, и на р. Брегальнице, где он старался выполнить это повеление, одним из первых, если не впервые в истории, обучая славян искусству письма на их родном языке.

⁶⁵ Там же. С. 345 со ссылкой на: Schutz J. Das handschriftliche Missale Illicum Cyrillicum Lipsiense. B. I. Wiesbaden, 1963. S. 307.

⁶⁶ См.: Stefančić V. Nazivi glagoljskog pisma // Slovo. Zagreb, 1976. T. 25—26. S. 17—76.

⁶⁷ См.: Djourova A. L'ornement des manuscrits vieux-bulgares glagolitiques et leurs rapports avec l'art de Byzance, des provinces grecques d'Orient et d'Italie du Sud (Sur l'ornement de l'Évangélaire d'Assemani) // Byzantiaka. Θεσσαλονίκη, 1988. T. Σ. С. 24—25, 33, 37—39.